

Золотая кассета Дмитрия Сухарева Век, кино. - 1995. - 2/набр. - С. 8.

А я лежу на дне речном

Где-то в конце 80-х позвонил кто-то из друзей с сообщением, что в литмузее на Петровке будет читать свои стихи Арсений Тарковский. Я промычал что-то вроде того, что это не близкий мне поэт. Сам решай, сказали в трубке, но имей в виду, что другого случая может и не представиться.

Надо заметить, что в течение многих лет восхищаться поэзией Тарковского было принято среди тех, кто почитал себя за столичную интеллектуальную элиту. Это считалось как бы знаком кастовой принадлежности. Вроде хождения в МЗК на старинную музыку, чтобы потом: "Ах, Скарлатти! Ах, Андрей Волконский!". И под то же самое сухое печенье: "Ах, Арсений Тарковский!" Пошел, однако.

Истово выбеленный зальчик. То ли большая келья, то ли маленькая трапезная. Народу битком, и душно до обморока. Но, в общем, хорошо.

Было так: бодро начав какое-то стихотворение, Арсений Александрович часто не мог читать дальше — горло сжимала спазма.

Возникала она вовсе не в тех (достаточно многочисленных) местах, где речь шла о жалостном. Нет, поэт осекался, когда стиховая ткань отличалась особым изяществом выделки. Красота как таковая — вот что вынуждало Тарковского умолкать, давясь слезами.

Это известный феномен, отличный от старческой слезливости. К примеру, Блок. Рассказывают, что слезы мешали ему составлять "Избранное" Пушкина. Ранний Пушкин читался Блоком бесслезно, а вот начиная со

стихотворения "Редеет облаков летучая гряда...", положение менялось.

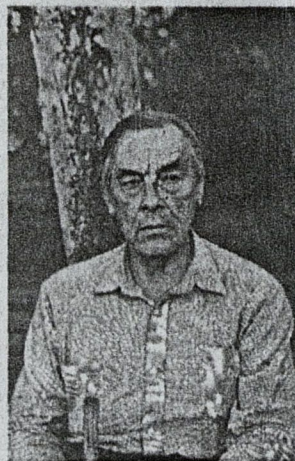
Попробуйте, любопытства ради, перечитать эту вещь глазами Блока, то есть дивясь тому, что дивно. Глаза не увлажнились? Ваше счастье.

Увлажнились?! Оставляйтесь с нами.

Еще два впечатления, вынесенные с того вечера, заслуживают здесь упоминания.

Во-первых, вода. Вода как управляющая субстанция, вместилище судьбы, надсмотрщик личной жизни. Известно, что такова роль воды в знаменитых фильмах Тарковского-сына, Андрея. Открытием было узнать, что точно так же ведет себя эта субстанция в стихах Тарковского-отца.

..Смотри, как взлетает
и плещет она:

Как мог я в стакане ее
удержать?..

...И сапоги он скинул.
И когда

Он в воду ноги опустил,
вода

Заговорила с ним, не
понимая,

Что он не знает языка ее.
Он думал, что вода —
глухонемая...

...И если заплачет сирена
Среди расступившихся вод,
Из этого странного плена
Никто никогда не уйдет...

...На свете все
преобразилось, даже

Простые вещи — таз,
кувшин, — когда

Стояла между нами,
как на страже,
Слоистая и твердая вода.

"Слоистая и твердая" — ничего себе! Так это у них, Тарковских, генетическое.

Второе. Всего одна строка, но в ней — не ключ ли к пониманию? "ЕСЛИ ПРАВДУ СКАЗАТЬ, ЯПЮ КРОВИ — ДОМАШНИЙ СВЕРЧОК". Кому всего тошнее от воды? Конечно же, ему, запечному сидельцу, зовущему сверчиху тихой песней. Тепло ладони, пыльный запах степного цветка, звучание строки — вот его воинство, вот кому назначено противостоять холодной мощи метафизического, будь то власть воды, или старости, или просто власти.

Барды охотно сочиняют на стихи Арсения Тарковского, хоть и не всегда с должной мерой понимания. В лучших песнях найдены средства передать не только утробность поэта, но и его принадлежность к племени сверчков. В числе высших, на мой взгляд, художественных достижений — песня, которую я хочу сегодня вам представить. Она из авторского альбома Елены Фроловой "Светлый праздник бездомности" (Казань, 1995, студия "Сибирский тракт"). В альбом вошли также песни на стихи Иосифа Бродского, Марины Цветаевой и Софьи Парнок. Это — авторская песня завтрашнего дня, сегодня она еще элитарна.

Но разве кто-то мешал нам расти вместе с любимым жанром?

Слушая, как Елена Фролова поет Тарковского, и дивясь тому, что и вправду дивно, я неизбежно вспоминаю белый зальчик, свое холодноватое любопытство и Арсения Александровича, который все старается протолкнуть строфу сквозь зажатое спазмой горло, а у него ничего не выходит.

Я так давно родился,
Что слышу иногда,
Как надо мной проходит
Студеная вода.
А я лежу на дне речном,
И, если песню петь,
С песку начнем,
песку зачерпнем
И губ не разомкнем.

Я так давно родился,
Что больше петь не могу,
И город мне приснился
На дальнем берегу,
А я лежу на дне речном
И вижу из воды
Далекий свет,
высокий дом,
Зеленый луч звезды.

Я так давно родился,
Что если ты придешь
И руку положишь
мне на глаза,
То это будет ложь,
А я тебя удержать не могу,
И если ты уйдешь
И я за тобой
не пойду, как слепой,
То это будет ложь.